

Книга 1

ДЖЕЙН

Брадгейт-Хаус, Гроби Лестершир. Весна 1550 года

Я люблю отца, потому что знаю, что он никогда не умрет. И я тоже. Мы избранны Богом, и мы исполняем Его волю и никогда от нее не отступимся. Нам не нужно заслуживать себе место в раю, подкупая Всевышнего праведными деяниями и церковными службами. Нам ни к чему есть просвирки и вообразать, что они — плоть Господня, пить вино и называть его кровью Его.

Мы знаем, что это сказка для невежд и ловушка для папистских дураков. И это знание дает нам ощущение гордости и возвеличивает нашу славу. Мы, вместе со все большим количеством людей, понимаем, что приняли спасение раз и навсегда. У нас нет страха, потому что мы никогда не умрем. Хотя мой отец — мирской человек. Даже греховно мирской. Жаль, что он не позволяет мне бороться за его душу, а лишь смеется и говорит:

— Уйди, Джейн. Напиши лучше нашим друзьям, швейцарским реформистам. Я должен написать им письмо, и ты можешь сделать это за меня.

Нехорошо, конечно, что он уклоняется от бесед на духовные темы, но это всего лишь грех пренебрежения, но я точно знаю, что он всем сердцем и душой ратует за истинную веру. А еще я не должна забывать о том, что он — мой отец, а я должна чтить отца и мать своих, что бы я о них ни думала. Их будет судить Господь всевидящий и всезнающий. А Бог уже видел моего отца и все ему простил, поэтому мой отец спасен через веру.

Вот только, боюсь, матери моей не получить спасения от геенны огненной и сестре моей Катерине, которая на три года меня младше, хоть ей всего девять лет. Вот она точно умрет и больше не воскреснет. Она невероятно глупа. Если бы я была суеверной дурочкой, то непременно стала бы думать, что моя сестра одержима. Она совершенно безнадежна. У меня есть еще одна сестра, совсем маленькая, Мария, она родилась в первородном грехе и никак не может из него вырасти. Она совсем маленькая. И хорошенькая, как миниатюрная версия Катерины. Мать хотела отправить ее расти куда-нибудь подальше от нас, чтобы она нас не позорила, но отец преисполнился состраданием к своему последнему ребенку, который оказался недоразвитым, поэтому она живет с нами. Нет, она не совсем дура, конечно, и прилежно учится, даже можно сказать, что она сообразительна. Но она совершенно не понимает благодати Божьей, и она не избранная, как отец и я. Такие, как она, чей рост сдерживался самим Сатаной, должны особенно усердно печься о своем спасении. Наверное, в пятилетнем возрасте рано отречься от мира, но я начала изучать латынь, когда мне было всего четыре, а Господь наш был в том же возрасте, что и я сейчас, когда вошел в храм и стал проповедовать там мудрецам. Если не учиться путям Господним еще в колыбели, то когда же начинать?

Я училась с самого раннего детства. Скорее всего, я самая образованная юная особа в моей стране, выращенная в лоне реформированной веры, любимица известной ученой и королевы Екатерины Парр¹. И я — величайшая из молодых ученых в Европе и однозначно самая образованная девушка. Я не считаю свою кузину Елизавету настоящей ученой, потому что призвание может быть у многих, а вот избранными становятся единицы. Бедная Елизавета никак не проявляет своей избранности, и все темы ее изысканий мирские. Она желает, чтобы все видели в ней умную особу, желает одобрения своих учителей и хочет подать себя в как можно более выгодном свете.

¹ Шестая и последняя жена Генриха VIII.

Даже мне приходится прилагать все усилия, чтобы не впасть в грех гордыни, хотя моя мать довольно грубо замечает, что моей главной заботой должно быть старание не сделать из себя посмешища. А когда я говорю ей, что она пребывает во власти греха, она хватает меня за ухо и угрожает выпороть.

Я с радостью приму побои во имя веры, как в свое время сделала Энн Аскью¹, но мне думается, что в такие моменты Богу гораздо более угодно услышать мои извинения, увидеть мой поклон и то, что я усаживаюсь за обеденный стол со своими родителями. Тем более, когда на ужин подают мой любимый грушевый пирог с крем-брюле.

В Брадгейте не так уж просто быть сияющим светочем реформации. Это самый что ни на есть мирской особняк, в котором живет наша большая семья с прислугой. Дом у нас тоже большой, построенный из красного кирпича, как Хэмптон Корт, с таким же огромным домом привратника, и расположено имение посреди огромного леса Чарнвуд.

У нас есть все права на такую роскошную, почти королевскую жизнь. Моя мать — дочь принцессы Марии, некогда правившей королевы Франции, любимой сестры короля Генриха VIII, поэтому мама наследует трон Англии после смерти детей покойного короля, кузин Марии и Елизаветы, которые тоже наследуют своему младшему брату, королю Эдуарду. И поэтому мы — самая важная семья в Англии, и мы никогда об этом не забываем.

В нашем поместье много слуг, более трех сотен, и они обслуживают нас, пятерых. У нас есть конюшни с великолепными лошадьми, прекрасный парк, окружающий дом, к нему примыкают фермы и деревеньки, реки и озера, и все это располагается в самом сердце Англии. У нас есть даже собственный медведь для притравки, которого держат в клетке на конюшне, собственная медвежья яма и ринг для петушиных боев.

У нас самый красивый дом во всей центральной Англии, где есть парадная зала с галереей для музыкантов с одной

¹ Протестантка, которую пытали и сожгли на костре за веру.

стороны и возвышением для трона короля с другой. Самые красивые земли Англии принадлежат нам. Меня воспитали с мыслью о том, что эти земли принадлежат нам так же, как мы принадлежим Англии.

Ну, разумеется, нас с матерью от трона отделяет еще три королевских наследника: Эдуард, правящий король, которому сейчас всего двенадцать, как и мне, поэтому он правит под руководством лорда-председателя Совета, его старшие сестры, принцессы Мария и Елизавета. Некоторые не считают этих двух принцесс настоящими претендентками на трон, потому что они обе были объявлены незаконнорожденными и от них обеих в свое время отрекся их отец. Их бы даже не приняли в королевскую семью, если бы не истинно христианская доброта моей учительницы, Екатерины Парр, которая приняла их при дворе и признала. Что еще хуже, принцесса Мария, да простит ее Господь, в открытую приняла католичество и проповедует ересь, и, хоть я и должна любить ее как двоюродную сестру, мне невыносимо бывать в ее доме. Там она ходит на литургии по часам, как будто она жила в каком-то монастыре, а не в реформированном королевстве, потому что Англия теперь, при короле Эдуарде, стала протестантской.

О принцессе Елизавете я не говорю. Просто никогда о ней не вспоминаю. Я и так достаточно на нее насмотрелась, когда мы жили вместе с королевой Екатериной и ее молодым мужем, Томасом Сеймуром. Я только скажу, что Елизавете должно быть стыдно за свое поведение, и ей придется ответить Господу за то, что она вытворяла. Я все видела. Я была там, когда она устраивала эти все догонялки и возню со щекоткой с мужем ее собственной мачехи. Это она ввергла Томаса Сеймура, великого человека, в безрассудство, которое потом привело его на плаху. Она была виновна в грехе прелюбодеяния, в мыслях уж точно, если не в постели. Она виновна в его смерти, как если бы сама, своими устами, обвинила его в предательском заговоре, что закончилось его казнью. Это она заставила его думать о себе как о ее любовнике, а потом и муже, а затем о них двоих как о наследниках престола. Пусть даже

она в этом не признавалась, тут и не нужно было никакое признание. Я сама видела, как она себя с ним вела, и знаю, что она заставляла его делать.

Но нет, я не стану ее осуждать. Я не судья и никогда никого не осуждаю. Это дело Господа. Я должна соблюдать целомудрие мысли, отводить взгляд от вещей неправедных и проявлять сострадание к грешникам, потому как мы все не без греха. К тому же я уверена, что Всевышний тоже не станет о ней особенно думать, когда она будет охвачена пламенем в геенне огненной, вознося запоздалые молитвы с покаянием за свои прегрешения, вероломство и амбиции.

В общем, поскольку и принцессу Марию, и принцессу Елизавету объявили незаконнорожденными и они явно не подходили на роль наследниц престола, то права этих единокровных сестер короля Эдуарда значительно уступали законным правам дочери любимой сестры короля Генриха, королевы Марии, то есть моей матери.

Именно по этой причине чрезвычайно важно, чтобы она непременно погрузилась в изучение основ реформ веры, отложив в сторону все эти украшения и драгоценности. Ей следует избегать пиров, празднеств и вина, танцевать только с самыми благочестивыми дамами нашего двора, а не ездить целыми днями по всей округе на этой ее огромной лошади, охотясь на любую дичь, словно какой-то дикий зверь. Огромные леса возле нашего дома наполняются звуками охотничьих рогов, собаки гибнут в медвежьих ямах, а возле мясницкой забивают молодых телушек.

Боюсь, что она к тому же и сластолюбива, как и все Тюдоры. То, что она горда, мне уже и так известно, потому что все Тюдоры — тираны, ее тщеславие и любовь показывать себя тоже не новость.

Мне следовало бы указать ей на ее греховную сущность, но когда я сообщаю своему наставнику о том, что морально готовлюсь к тому, чтобы обличить свою мать по меньшей мере в грехе гордыни, гнева, чревоугодия и стяжательства, то он очень нервно отвечает:

— Леди Джейн, право же, не стоит!

И тогда я понимаю, что он боится ее, как и все остальные, даже мой отец. Это лишь подтверждает ее виновность и в неподобающем женщине честолюбии, помимо всего прочего, разумеется.

Я была бы такой же слабой и исполненной страха, как и все остальные, если бы не моя вера, которая укрепляет меня. Она действительно придает мне сил. Жить в новой, реформированной вере не так уж просто. Папистам просто быть смелыми: у каждого глупца находится масса предметов и традиций, которые придают ему силу: иконы в церквях, разноцветные окна, монахини, священники, певчие, благовония и вино, в котором они усердно ищут вкус крови. Но все это суть суета и недостаток веры.

Я знаю, что вера укрепляет меня, когда опускаюсь на колени в прохладной белой часовне в полном молчании, и тогда слышу глас Господень, обращенный ко мне, и только ко мне, и он говорит со мной мягко, как любящий отец. Я сама читаю Библию, мне никто не зачитывает отрывки из нее, и тогда я вижу слово Божье. И когда я молюсь о ниспослании мне мудрости, а потом начинаю говорить, то я знаю, что во мне говорит только слово Господне. Я — Его раба и Его глашатай, и поэтому мать категорически не права, когда кричит:

— Ради всего святого, избавь меня от этого унылого лица! И живо езжай на охоту, пока я собственноручно не выгнала тебя из этой библиотеки!

Она очень не права. Но я молюсь о том, чтобы Господь простил ее, как прощаю ее я. Правда, я точно знаю, что Он не простит ей оскорбление, нанесенное мне, Его верной рабе, и я его тоже не забуду.

Я иду в конюшню и беру лошадь, вот только на охоту я не еду. Вместо охоты мы с моей сестрой Катериной отправляемся на прогулку, а за нами следом едет конюх. Мы можем ехать целый день, в любом направлении, и так и не достигнем границ нашего владения. Мы проносимся по лугам и полям, засеянным зеленым, густым овсом, с брызгами скачем по переправам, давая лошадям вдоволь напиться чистой воды. Мы —

дети королевской семьи, которые счастливы на своей земле и дорожат своим наследием.

Сегодня мать на удивление мила и улыбчива. Мне было велено надеть новое платье из насыщенно-алого бархата, которое пришло из Лондона только на прошлой неделе. Оно украшено роскошным черным капюшоном и рукавами. Значит, сегодня нас почтили своим присутствием какие-то знатные гости. Я спрашиваю лорда-гофмейстера, кого мы сегодня принимаем, и он говорит, что к нам едет бывший лорд протектор Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет. Он был посажен в Тауэр по обвинению в измене, но сейчас его отпустили, и он возвращается на свое место в Тайном совете.

Однако мы живем в весьма опасные времена.

— Он едет со своим сыном, — зачем-то уточняет лорд-гофмейстер и более того, позволяет себе подмигнуть мне самым возмутительным образом. Можно подумать, я — какая-то легкомысленная девица, которая придет в восторг от подобных известий.

— Ах, как здорово! — восклицает моя беззаботная сестра Катерина.

Я испускаю терпеливый вздох и говорю, что буду читать в спальне, пока не придет пора переодеваться к столу. Может быть, если я закрою дверь между своей спальней и нашими внутренними покоями, Катерина поймет намек и не станет ко мне соваться. Но она намека не поняла.

Не прошло и мгновения, как раздается стук в обитую льном дверь, она открывается, и в проеме показывается ее светловолосая голова:

— Ой. Ты что, читаешь?

Можно подумать, я могла заниматься чем-то другим.

— Именно этим я собиралась заняться, когда закрывала за собой дверь.

Но она невосприимчива к иронии.

— Как думаешь, зачем сюда едет герцог Сомерсет? — спрашивает она, врываясь в мою комнату без всякого приглашения. За ней следом бежит Мария, как будто моя комната — это ко-

ролевская приемная, куда может попасть всякий, кого пропустит привратник и на ком будет достаточно приличная одежда.

— Ты что, принесла сюда эту ужасную обезьяну? — перебиваю я Катерину, замечая ее на плече сестры.

— Разумеется, — она выглядит удивленной. — Мистер Нозл везде ходит со мной. Ну, кроме тех случаев, когда я навещаю бедняжку медведя. Он боится медведя.

— Ну, сюда ему нельзя, потому что я не хочу, чтобы он испортил мои бумаги.

— Не будет он ничего портить. Он будет сидеть у меня на коленях. Он очень хороший, Мистер Нозл.

— Убери его отсюда.

— Не уберу.

— Убери. Я приказываю.

— Ты не можешь мне приказывать.

— Я старшая, и это моя комната...

— А я — самая хорошенькая и пришла навестить тебя из вежливости...

Мы хмуро смотрим друг на дружку, а потом она показывает мне серебряную цепочку, обвивающую ее тощую черную шею.

— Джейн, ну пожалуйста! Я буду крепко его держать, — обещает она.

— Давай я его подержу, — предлагает Мария, и они тут же начинают спорить о том, кто же будет держать обезьяну, которой здесь вообще не место.

— Ах, уходите отсюда все! — с раздражением говорю я. — Обе.

Но вместо того чтобы выполнить мое распоряжение, Катерина поворачивается и усаживает Марию на стул, на котором та сидит как кукла и улыбается мне очаровательной улыбкой.

— Выпрямись, — напоминает ей Катерина, и Мария направляет плечи и спину.

— Нет! Уходите!

— Уйду. Как только задам тебе один вопрос. — Катерина счастлива, потому что все происходит так, как она хочет. Как обычно.

Она неприлично красива, но разума в ней не больше, чем в Мистере Ноззле.

— Ну ладно, — жестко отзываюсь я. — Задавай свой вопрос и уходи.

Она делает глубокий вдох.

— Зачем, по-твоему, сюда едет герцог Сомерсет?

— Понятия не имею.

— А вот я знаю. Вот только почему этого не знаешь ты? Я-то думала, что ты у нас очень, очень умная?

— Я просто не хочу этого знать, — отвечаю я.

— А я могу тебе рассказать. Потому что ты знаешь только то, о чем пишут в книжках.

— То, о чем пишут в книжках? — повторяю я слова невежественного ребенка. — В самом деле. Я действительно знаю и думаю только о том, о чем пишут в книжках, и если бы я хотела мирского знания, то спросила бы нашего отца. И он сказал бы мне правду. Я бы не стала подслушивать родителей или ловить сплетни слуг.

Она запрыгивает на мою большую деревянную кровать, как будто намеревается остаться тут до самого ужина, а потом и вовсе устраивается на подушке, словно собираясь вздремнуть. Обезьяна тоже устраивается поудобнее рядом с ней и начинает перебирать свою шерсть тоненькими пальчиками.

— У него что, блохи?

— Ну да, — спокойно отвечает она. — Но вшей нет.

— Немедленно убери его с моей кровати!

В ответ она всего лишь берет обезьяну на руки.

— Ой, не шуми, потому что новости просто великолепные! Они едут сюда, чтобы с тобой обручиться! — объявляет она. — Ну вот, я так и думала, что ты не удержишься!

И я действительно не сдержалась и вздрогнула, но так незаметно, что мой палец даже не утерял строки, которую отслеживал.

— И откуда ты об этом узнала?

— Да все об этом знают, — отмахивается она, что означает, что она подслушала болтовню слуг, как я и предполагала. —